

Мне не надо для успеха
Никакого протеза
Даже возраст не помеха,
Мне «еще», а не «уже».
/ Риф Закиров /

- Вы хотите в пятьдесят выглядеть на тридцать пять? – спросила бесцветным голосом женщина с невыразительным восковым лицом и тусклым взглядом.

Я взглянула на экран телевизора и бодрым голосом заглушила рекламу чудодейственного средства, способного отбросить меня на пятнадцать лет назад.

- Милочка, не пичкай себя химией! Лучше влюбись и сразу помолодеешь!

У меня в руках была тарелка с овсяной кашей, которую я с удовольствием употребляла на завтрак. Причем, неспешно. С сегодняшнего дня я в отпуске и могу наслаждаться бездельем.

- Понедельник, день тяжелый, но не для меня, - сочиняла я на ходу, радуясь свободе и отсутствию сына Федьки, который скептически отнесся к моим родившимся поэтическим и композиторским талантам. – У меня сегодня... - я споткнулась, не желая произносить противное, даже вредное для здоровья, слово «юбилей». День рождения звучит по-детски, потому что сразу вспоминается песенка про волшебника, замаячившего на горизонте в голубом вертолете с перегрузом в пятьсот эскимо. Я подумала, всунула в себя ложку каши, не забывая придумать новое определение сегодняшнему дню – третьему октябрю. – У меня круглая дата! – выдала я.- Такая кругленькая, хорошенькая. В общем, жизнь начинаем с нового листа. Полувековой рубеж пройден, топтать землю я собираюсь еще столько же, осталась самая малость – занять немного здоровья и позабыть о возрасте. С первым, будто все нормально. Сыновья Петька и Федька подарили путевку в санаторий, где я расстанусь без сожаления с хроническими заболеваниями, приобретенными в результате неправильного до этой поры существования. Что касается второго пункта программы по омоложению, то тут все о-кей, как любит говорить Петр, не только мой сын, но и муж очаровательной девушки Сони и отец восхитительной девочки Маши. Бабушкой я стала недавно – три месяца назад. Вместе со счастьем в мою душу просочилось понимание того, что жизнь, до этого идущая в гору, пошла по пологому склону вниз. И причиной тому - старость, ведь я бабушка.

В день рождения Машеньки я подошла к зеркалу и внимательно изучила свое лицо, словно оно первое должно откликнуться на превращение матери в бабушку. Морщинки были, но они добавляли лицу озорную пикантность. Одна известная актриса сказала: «Стариться нужно красиво». Я была с ней полностью согласна: какие чудодейственные средства не вкалывай, какие пластические операции не делай, но время все равно свое возьмет. Такие предатели, как кисти рук или шея, сыграют не на твоей стороне и заявят о возрасте громким голосом.

Я, конечно, личность не звездная, на экранах и в глянцевых журналах не мелькаю, но делаю все, чтобы продлить молодость лица и тела. Не экономлю на кремах и массажах, делаю по утрам зарядку, правильно питаюсь и стараюсь спать не менее восьми часов. Сон для женщины - главное, а еще спокойствие. В этом возрасте нужно научиться не обращать внимание на мелкие неприятности и каждый день радоваться миру, что я и делаю по мере сил.

Я мысленно вернулась ко второму пункту – надо забыть о возрасте. Не думала, что любовь – волшебное средство для появления второго дыхания. Только я подумала о старости, как на пути возник ОН. Вернее, он возник на пути давно, лет десять назад, но всегда оставался другом моих приятелей, соседей по дачному участку, которые стали мне семьей.

У нас стало традицией устраивать по субботам совместные посиделки по поводу и без него. Жарили шашлыки, варили уху, танцевали, пели песни, а в завершении программы пили чай и разговаривали. Бессменным участником посиделок был друг моего соседа Георгия Карузова – Владислав Андреевич Шустов, быстро ставший просто Владиком и душой нашей компании. Несмотря на серьезность профессии, а был он бо-о-ольшим чином в МВД, не растерял за годы нелегкой суровой службы чувство юмора и не очерствел душой. К Владиславу всегда прилагалась молчаливая женщина по имени Света. Именно, прилагалась. Они приходили, супруга здоровалась и надевала шапку невидимку: вроде присутствовала, но ее никто не замечал. Эмма, моя соседка и подруга, говорила, что у нее затянувшаяся депрессия и шепотом рассказала о ребенке Шустовых, который умер в возрасте двух месяцев. Следующие попытки обзавестись потомством, успеха не принесли. С момента ужасной трагедии до нашей первой встречи прошло пять лет. Я сочувствовала Светлане и принимала близко к сердцу ее молчаливое страдание. Но за десять лет ничего не изменилось.

- Почему Владик не положит жену в клинику? Это не просто депрессия, это психическое заболевание. – однажды не выдержала я и спросила у подруги.

- Она не хочет, а насильно прятать ее в психбольнице он не желает. К ним домой приходит хороший специалист, он наблюдает за Светой, пичкает ее препаратами, которые кроме заторможенности и отстраненности ничего не вызывают.

- А зачем врач дает ей эти препараты? Она же не буйная?

- А черт ее знает, буйная она или нет... Влад не любит обсуждать эту тему, но мне кажется, Светка больше прикидывается, желая досадить мужу и лишний раз доказать, что он виновен в смерти сына.

- Произошел трагический случай?

- Можно сказать, и так. Ночью Светка покормила его грудью, быстро уложила в кроватку и сама отключилась. Влад был на дежурстве. Утром он вернулся, а... мальчик уже посинел... Захлебнулся во сне. Надо было подержать сына вертикально, прежде чем укладывать, или положить на бочок, а она забыла.

- Наверное, усталость накопилась, - предположила я и прикинула в уме, сколько лет было рассеянной мамаше.

- Ей было около тридцати, - прочитала мои мысли Эмма, - не молоденькая.

- Шустовы поженились в сознательном возрасте? - спросила я, вспомнив, что сама рано выскочила замуж.

- Нет, как будто... Владу было двадцать пять, а ей на три года меньше, но Светка не хотела детей. Знаешь, избитую фразу «надо пожить для себя». Вот теперь и живет... для себя.

- Ты ее не любишь, - догадалась я.

- А за что мне ее любить?! – возмутилась подруга. – Сама виновна в смерти сына, а перекладывает все на мужа. Пусть благодарит его, что замаял дело. Ее посадить хотели за непредумышленное убийство. Другой бы на месте Влада давно развелся, завел новую полноценную семью, а он все терпит. Даже налево не ходит! – привела весомый аргумент Эмма.

- Не может быть! – я удивленно вскинула брови и вспомнила жгучего брюнета с посеребренными висками – свидетельством нелегкой службы и домашних испытаний. Высокий статный мужчина с небесно-синими искристыми глазами, обделенный вниманием своей серенькой супруги с тусклым взглядом, заслуживал большего. Я не стала бы его осуждать за связь с женщиной.

- Уверяю тебя! – задохнулась от возмущения подруга. – Меня бесит, как он сюсюкает с этой мышью.

- Наверное, это любовь. Он молодец! Благородный мужчина. И верный, - с чувством добавила я и позавидовала женщине.

- А Светка этим пользуется! Я думаю, она испугалась тогда, что муж ее бросит, и превратилась в немощную страдальицу. А сама давно забыла и о сыне, и о своих обязанностях.

- Ты к ней излишне сурова! – констатировала я.

- Я вижу ее насквозь, в отличие от всех вас! Эта зараза бедного Влада в могилу сведет!

- По-моему ты сгущаешь краски. Он не выглядит понурым и угнетенным. – перед глазами снова встал красавец Шустов.

- Он держит все в себе! А ты знаешь, что бывает, когда эмоции не выливаются наружу?! Внутренний взрыв и конец!

- Ты любишь крайности, - скривилась я. Эмма не обратила внимание на мой протест.

- Одна надежда, что он одумается и заведет себе любовницу. Это единственное, на что Влад способен, Светку он никогда не бросит...

Полковник Шустов одумался через десять лет. Его сорок восьмой день рождения мы отмечали на даче у Карузовых. Впервые я ловила на себе заинтересованный мужской взгляд и таяла, как мороженое в выключенном холодильнике.

Что скрывать, о Владе я думала и мечтала все эти годы. Когда он приглашал меня на танец и шуточно прижимал к себе, мое сердце так учащенно металось, что мне было неловко, вдруг мой партнер услышит и догадается о моих чувствах.

Брак с отцом моих двойняшек распался, когда мальчишкам было по три года, а мне – двадцать шесть. Почти вполтину меньше, чем сейчас... Я не люблю вспоминать о проблемах того времени. Это были не просто проблемы, проблемищи! Мой бывший супруг в конце восьмидесятых годов, после развода, смотался в Америку и там сгинул. Не в том смысле, что нашел успокоение на кладбище, а растворился в свободной демократической стране, забыв, что на другом континенте у него растут сыновья, требующие внимания, заботы и имеющие такие странные привычки, как завтракать, обедать и ужинать, а еще вырастать из штанов, курточек и упираться пальцами ног в носы ботинок. Резиновая зарплата экономиста на небольшом предприятии не позволяла заткнуть все прорехи в лопающем по швам семейном бюджете. Но без похвалы в свой адрес могу сказать, что никогда не падала духом. Вертелась, моталась, торговала овощами, выращенными на садовом участке, шила, пришивала, дотачивала, вязала, иногда поздней ночью роняя слезу на рукоделие. Не от безысходности, я верила, что со временем жизнь наладится, сыновья вырастут, но молодость, увы, завернет за угол и больше не вернется. Годы не просто промчались, они пролетели с космической скоростью, оставив за собой все проблемы, прихватив часть здоровья и наградив за труды взрослыми детьми, которые относятся к матери с нежностью и заботой.

Впервые я почувствовала тяжесть возраста на плечах, когда мысленно обозвала себя бабушкой.

- Алевтина Кузьминична, - сказала я своему отражению в зеркале, - не за горами пятьдесят. Двухзначная цифра отпечаталась на лбу, как тату, внутри защемило, глаза быстро застили слезы, вылившиеся через край и ручьем потекшие по щекам. – Я не оплакиваю прошедшие годы, не хочу все вернуть лет на тридцать, когда впервые повстречала будущего супруга. Если бы жизнь потекла по другому руслу, то у меня не было бы Петьки и Федьки – главного богатства. А теперь к ним добавились Соня и Машенька. Я мать, свекровь, бабушка, но не жена. Не любимая женщина. И теперь никогда ею не буду. Кому интересна дама преклонных лет, когда вокруг полно молодых симпатичных девушек?

Чувства, дремавшие внутри четверть века, стали проситься наружу. И виной тому был Шустов. Каждая встреча с Владом, пусть при свидетелях, будоражила мое дремавшее сердце.

Он моложе меня, - вдалбливая я себе, - всего на два года, но все же... У него нездоровая жена. – Перед глазами вставало бесцветное лицо с отрешенным взглядом. – То, что Шустов оказывает мне знаки внимания, еще ничего не значит, просто он галантный кавалер. Так же Владик относится и к другим присутствующим женщинам. - Попыталась обмануть я себя, чтобы перехитрить сердце, готовое ответить на любой намек с его стороны...

Намек был непрозрачным. Владислав Андреевич, как именинник, поставил условие- все женщины должны пригласить его на танец. Первой откликнулась на призыв Эмма, затем настала очередь Светланы, замершей на краю стола со стаканом яблочного сока в руке.

- Я отдаю свое право Алевтине, - заявила она голосом – ручейком, который сразу иссяк.

Я сразу решила, что наблюдательная Шустова, проводившая все вечера в молчаливом уединении и наблюдавшая за всеми нами со стороны, могла уловить мой заинтересованный взгляд, обращенный на ее мужа. Любая женщина чувствует соперницу за версту.

- Аля, тебе придется выступить за себя и за Свету, - пригрозил именинник, сверкая синими глазами, в которых поселились солнечные зайчики.

- Это слишком серьезный приговор, - потупилась я, боясь выдать свои разбушевавшиеся чувства.

- Отвертеться не удастся! – судейским голосом провозгласил Влад и повел меня на своеобразную танцплощадку, которой служил пятак перед входом в дом Карузовых, выложенный тротуарной плиткой.

Шустов прижал меня к себе, и я взлетела на Эверест, пренебрегая альпинистским снаряжением.

- Аля, нам надо поговорить, - зашептал он мне в ухо, щекоча при этом губами, словно не говорил, а легонько целовал.

Ноги перестали меня слушаться, будто нижняя часть отделилась от верхней, желающей воспарить к вершине. Хорошо, не утратилась способность переминаясь и делать вид, что я еще здесь, пребываю в плавном течении танца.

- Аля... - губы щекотали меня и заставляли совершить отчаянный поступок – повернуть к нему лицо и впиться в них так, чтобы кислород перестал поступать в его легкие.

Но я сдержалась, даже смогла взять себя в руки и улыбнуться, чтобы окружающие не заподозрили нас в заговоре.

- Я... поняла, - прохрипела я и провела языком по губам. – Ты хочешь поговорить... прямо сейчас? – я поозиралась по сторонам, выискивая место для беседы.

- Нет, я тебе завтра позвоню...

Завтра. А он спросил, доживу я до завтра? Или к утру буду лежать на холодном столе морга...

Всю ночь я не сомкнула глаз. Сначала уверяла себя, что это будет совершенно безобидная встреча двух немолодых людей, знающих друг друга более десяти лет. Затем решила, что у Влада накопилось столько проблем, что ему необходимо вылить их из себя. Но почему он выбрал меня? Скорее всего, я выгляжу добропорядочной. Сочетание доброты и порядочности. Доброта нужна, чтобы терпеливо выслушать, не подталкивая к концу разговора, и понять, а если попросят, дать умный совет. Что касается порядочности, думаю, Влад надеется, что я не стану расценивать невинную встречу, как начало романа.

А почему я не могу помечтать? Чуть-чуть... Капельку... Перед глазами встала картина обольщения...

- Я бабушка! – разорвала я тишину ночи и хмыкнула, вспомнив любимый фильм «В джазе только девушки», где виолончелист сначала твердил «я девушка, я девушка», а после уверял себя, что он мужчина. – Да, я бабушка, но я женщина. Одинокая женщина! – противный голос, засевший внутри произнес: «Но он не одинок!..» Я стала перечислять причины, по которым Влад имеет право быть счастливым. Оппонент грубо перебил меня: «Почему ты решила, что с тобой он будет счастлив?» Я задумалась. Я знаю Владислава, как балагура и весельчака, но не знаю, каков он на самом деле? Какое у него лицо, когда он спит, когда напряженно раздумывает над решением проблемы, на первый взгляд совершенно неразрешимой. Только он один, умный, собранный, догадливый, найдет ответ. А будет ли он счастлив, зависит от нас обоих... Последние слова резанули мой слух, привычный к другому сочетанию – я и мальчишки. Или к одинокому местоимению «я». Но оно не было, как раньше, неустойчивым и легко падающим на бок под порывами ветра, теперь у него появилась подпорка «ты». Я и ты, ты и я, – твердила я, пока не заснула на рассвете.

Хорошо, что было воскресенье, иначе на работе я была занята одним делом – держала в руке мобильник и смотрела на дисплей.

Видно Владу не спалось в выходной день, он позвонил в начале десятого.

- Аля, я жду тебя на набережной у причала, – без рассуждений и уговоров заявил он и отключился.

Я не обиделась. Наоборот, я так устала быть главой семьи и решать в одиночку все проблемы, что приказ от настоящего мужчины, подобный армейскому призыву «Подъем!», заставил меня уложиться за полчаса, хотя, руки не слушались, молния на юбке заедала, тушь попала в глаз, каша осталась нетронутой на столе. Перед выходом я заглянула в комнату Федора. Конечно, он сидел перед экраном компьютера и не реагировал на все живое.

- Фе-едь, я ухожу. – Молчание. Я не выдержала, быстро преодолела расстояние в четыре шага и стукнула его по плечу.

- Мам, ты меня напугала! – малыш под метр девяносто подскочил на стуле и обиженно взглянул на меня моими же глазами – карими с вкраплениями золота. – А ты... куда?

- Дела, – протянула я и перекинула сумку за спину, повесив ремешок на пальце.

- Сегодня же воскресенье, – напомнил он.

- Бывают разные дела, например... сердечные. – я развернулась на каблуках и оставила сына пережевывать последнюю фразу.

Во дворе доberman по кличке Марс под руководством своего хозяина – худосочного мужичка Елисея Завидного, шестидесяти лет от роду, как всегда выбрал для прогулок нашу клумбу, которую мы разбили вместе с соседкой Валентиной еще весной. Елисей,

прозванный в народе Страх Завидный, благодаря своей «неповторимой» внешности, значительной нехватке зубов во рту, мерзопакостному характеру и умению наряжаться в одежду из мусорного контейнера, фигурально говоря, вел с нами непримиримую войну.

- Мое терпение скоро лопнет! – в который раз пообещала я и прошествовала мимо, не желая портить себе настроение.

- Вертихвостка! – раздалось сзади.

Я лишь хмыкнула и еще больше завияла бедрами.

- Вот зараза! – послышался возмущенный голос Валентины, которая одновременно обращалась к Елисею и его доберману. – Сколько раз тебе говорить, чтобы ты...

Я завернула за угол, услышав только начало перебранки, но точно знала, чем она закончится – Валька с многозначительно улыбкой заявит: «Лучше бы ты себе Людмилу завел, красавец Елисей!» – и захлопнет окно, не дожидаясь ответа.

После нескольких таких повторов, мы ожидали мгновенной реакции, но Страх Завидный каждый раз терялся, а пока собирался с мыслями, Валентина исчезала.

- Надо сменить коронную фразу, - весело говорила она, выйдя в очередной раз победителем из словесной перепалки.

Но Елисей мстил по своему: настойчиво подначивал бесшабашного пса к осквернению роскошной клумбы, все лето радующей глаз жильцов...

Если вы купались в море счастья, то меня поймете. Я не только оказалась способным пловцом, но и умелым тренером.

Так продолжалось два долгих и коротких месяца.

Сегодня я впервые увижу Светлану Шустову не как знакомая, с которой вместе отмечают все праздники, а как любовница ее мужа.

- Любимая женщина полковника Шустова, - прошептала я и не удержалась от улыбки.

Мальчишки предлагали отметить... круглую дату в ресторане, но я наотрез отказалась – атмосфера не та. Следующим вариантом были посиделки в нашей квартире.

- Еще чего! – возмутилась я. – Буду несколько дней готовить, а потом ночь напролет мыть посуду.

- Мы тебе поможем, - подхватился Петька и посмотрел на жену и брата.

- Нет! – отрезала я. – Сонечка занята ребенком, вы – работой...

- Но что ты предлагаешь? – спросил Федька.

- Будем отмечать на даче! – заявила я и опередила рассуждения о ненастье. – Матч состоится при любой погоде! В доме всем места хватит!

- В чем отличие празднования дома и на даче? - заинтересовался Петр.

- Здесь, - я развела руки в сторону, обхватывая пространство комнаты, где мы сидели, - нужны разносолы, а там, - махнула я за окно, - все просто и вкусно. На природе изысков нет. За шашлык отвечают мужчины, за нехитрые салаты – женщины. Мы собираемся для веселья и общения, а не для набивания животов.

- Правильно, - поддержала меня невестка...

Муж моей подруги Лиды обожал блюзы, которые вносили в мою растрепанную душу уныние и тревогу. Пока компания не достигла той точки, когда все дружно режут «шумел камыш, деревья гнулись...», нужно избавиться от лишних калорий и исполнить энергичный танец. Но Лидкин муж настойчиво ставил в музыкальный центр уже второй диск с заунывными тягучими мелодиями. Меня ангажировало несколько мужчин, одним из которых был Владислав. Я млела от его объятий и старалась держаться, как капитан на

судне, попавшем в шторм, то есть сохранять трезвый ум и хладнокровие. Во время танца с Шустовым я навесила на губы глупенькую улыбочку, но вырывающиеся изнутри слова ей не вторили.

- Владик, я завтра уезжаю, - ныла я. – Целых две недели без тебя.

- Если бы осталась в городе, то нам все равно пришлось расстаться – я еду в командировку на десять дней.

- Это не опасно?

- Ну, что ты, - расцвел он, словно отправлялся на Карибы. Я одарила его пронзительным взглядом, продолжая улыбаться при этом.

- Я мечтала, чтобы ты присоединился ко мне. Хотя бы, на несколько дней.

- Не расстраивайся, любимая, у нас еще столько дней впереди.

Я проглотила рвущееся наружу высказывание, суть которого сводилась к одному – он не мой муж. Не мой! И никогда им не будет. Любая интрижка начинается и заканчивается одинаково, даже если зовется любовью. Сначала женщина довольствуется ролью любовницы и ее все, или почти все, устраивает. Она парит над проблемами и абсолютно счастлива. Затем происходит медленная посадка, и ее начинает тяготить утвержденная роль. Женщина загорается желанием вырвать чужого мужа у недостойной жены любыми средствами, пусть и весьма некорректными. Мужчина начинает нервничать, метаться между долгом и любовью, прикидывает, где ему будет комильфо, и почти всегда выбирает проверенную многими годами жену. Я знала это не понаслышке, одна моя подруга периодически играла роль любовницы, всегда скатывалась на борьбу, а в итоге чужой муж исчезал.

Я считала себя умной женщиной, умеющей сдерживать высказывания о Светлане, и создавать свой мир, где есть Я и ОН. Но с каждым днем ум отступал, ему на смену вышла ревность и желание быть рядом с Владом каждую минуту. Я не собиралась привязывать мужчину к своей юбке, но должна быть уверена, что расставшись утром, мы снова встретимся вечером. Он откроет дверь, заключит меня в объятия, а там все пойдет, как в обычной семье, где на долгие годы поселилась любовь.

Тоска подобно крокодилу попыталась заглотить меня, но я нашла силы вырваться.

- Довольно меланхолии! – громко заявила я.

- Аля, ты не понимаешь, - елеиным голосом произнес супруг Лидии, не способный прорваться к людям через блюзовый туман. – Блюз – это сплетение наиболее сильных чувств! В нем все- печаль, страсть, тоска, боль...

- И начинается он каждый раз словами «Я проснулся сегодня утром»... А продолжает каждый по -своему: «От меня ушла жена. Или собака умерла. Или сбежала любимая кошка». И все в таком упадническом духе. Может, кто-то кайфует от негатива, а я от разгульного веселья! Тем более у меня есть повод повеселиться и расслабиться!

- Алевтина, - снова заканючил мужчина, не желая сдаваться, - блюз – самая подходящая музыка для людей зрелого возраста.

- Я не вижу здесь зрелых людей! - отрезала я, пересматривая собственную коллекцию музыкальных дисков. – Мы относимся к среднему возрасту! – Я взглянула исподлобья на Влада и поймала его восхищение. Да, после двух месяцев любви спокойная уравновешенная женщина превратилась в фурию, спорить с которой бесполезно.

- Средний возраст заканчивается сорока пятью годами, - напомнил зануда, он же обожатель блюза.

- Это кто сказал? – хмыкнула я. – Барьер давно передвинули! Поэтому быстренько переходим к антиблюзам, где жена не ушла, собака не умерла, кошка не сбежала: мы

бодры и веселы, к тому же молоды и счастливы! Над головой голубое небо, пусть не ярко, но солнце светит, за столом веселая компания, рвущаяся подвигать попой под пение Верки Сердючки.

Я нажала кнопку, и грянул знакомый голос: Хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо, я это знаю, знаю...

На следующий день мне не удалось встретиться с Владом. Утром он отбыл в командировку, мы успели только пообщаться по телефону. Он пожелал мне приятного отдыха и заверил, что будет скучать. Я ему поверила...

Поезд в Кисловодск уходил в половине двенадцатого ночи. Весь день я перебирала вещи, складывала в чемодан, затем вынимала, половинила и снова укладывала. Днем забежала Соня с Машенькой. Внучка смотрела на меня внимательными глазами и неуверенно улыбалась, будто не решила, хорошо, что эта женщина уезжает или нет. Я чмокала ее в пухлые щечки, расцеловывала маленькие ручки и была безмерно счастлива. Когда девочки ушли, в душе снова поселилась пустота.

Скорее бы наступил вечер, - думала я, бесцельно шатаюсь по квартире и каждый раз натываясь на распахнутый чемодан.

Потом нашла себе занятие: сварила борщ, натушила мяса, нажарила котлет. В общем, обеспечила сыночка съестными припасами. Затем сбегала на рынок и закупила овощей, надеясь, что когда вернусь, в холодильнике меня не будут поджидать сморщенные огурцы и томат из заплесневелых помидоров. От компьютерного гения Федора всего можно ожидать, - обреченно вздохнула я и попросила бога послать ему хорошую девушку.

Незаметно, подошел вечер. На улице заморосил дождь, оплакивающий мой отъезд.

- Отдых будет удачным, - заверил меня сын, стоя у окна и прислушиваясь к барабанной дробу по карнизу. – Мам, Петька подъехал! – завопил он, заметив автомобиль брата.

- Боже мой, какая неумная радость – мать уезжает! – недовольно поморщилась я и окинула взглядом свое жилище, которое за две недели должно видоизмениться.

- Я не радуюсь, я констатирую! – надулся Федор.

- Констатировать буду я, когда вернусь и обнаружу здесь... - А чего это я? Ни с того, ни с сего нападаю на сына... В чем причина? В расставании с любовником? Или в нежелании проводить две недели в одиночестве? И почему я с утра грущу? Словно предчувствую что-то...

Двор был пуст, как мне показалось на первый взгляд. Затем сквозь шорох дождя я услышала неторопливую тихую беседу. У соседнего подъезда стоял Страх Завидный в куртке с капюшоном и спортивных штанах, заправленных в резиновые сапоги из далекого прошлого. Он переговаривался с Авдотьей Кулябикиной, расплывшейся на подоконнике своего окна на первом этаже, женщиной неопределенного возраста в виду неухоженности и чрезмерной полноты. Но я знала, что Дуська на днях отметила шестидесятипятилетие. Будучи любительницей поскандалить и высказать свое ортодоксальное мнение, она никогда не разговаривала нормальным человеческим голосом, ее речь напоминал работающий экскаватор рычанием и громким звуком. Авдотья Прохоровна была недовольна всем и всеми, даже своими домочадцами, обсуждая их поведение на вечерних планерках во дворе.

Я опешила: оказывается, Кулебякина может изъясняться нормальным человеческим голосом, не вставляя истерические нотки?

Пара заговорщиков заметила мое появление, а после и появление моего сына с чемоданом в руке. Завидный что-то сказал Дуське и посеменял в мою сторону. Я по привычке осмотрелась, ожидая увидеть добермана Марсика, как его любовно называл хозяин, но того не было. Или он снова гонял по двору кота тети Нины, с которым никак не мог поделить пальму первенства. Хозяйка назвала его миленькой кличкой Бантик, но это был не Бантик, а бандит, верховодивший не только местной котовой диаспорой, но дворовыми собаками, как проживающими в домашнем уюте, так и прикормленными сердобольными бабульками. Один дурень Марс никак не мог понять, что Бант пальму первенства не отдаст, а пес будет постоянно ходить с расцарапанной мордой.

- Здравствуй, Алевтина Кузьминична! - с улыбкой поприветствовал меня Елисей. Я закашлялась от неожиданного любезного обращения, еле пришла в себя и поздоровалась. - В отпуск собралась? – полюбопытствовал он.

На сегодня лимит несдержанности был исчерпан, поэтому я не отмахнулась, а пояснила.

- Еду в санаторий. – красноречие не рвалось наружу.

- Далече?

- А Вам то что? – невоспитанно встрял Федька.

Завидный передернул плечами и уже хотел ретироваться, но я решила загладить неловкость.

- Еду в Кисловодск на две недели, - голосом бравого солдата Швейка доложила я. – В санаторий «Московия».

- Это правильно, - протянул Елисей. - Не все же работать... А то все крутишься, крутишься.

- Как юла, - кивнула я, поддерживая ничего не значащую беседу. Мальчишки переминались с ноги на ногу и непонимающе смотрели на меня, застывшую перед раскрытой дверцей автомобиля. Петька не выдержал и уселся за руль, рядом с ним пристроился Федька.

- Ну, счастливого пути, - пожелал Завидный.

Я кивнула и устроилась на заднем сидении, не забыв махнуть рукой соседу.

- Ты бы его еще расцеловала, - поморщился Петр. – Не человек, а гнида.

- Во-во, - поддержал его брат. – Что за аттракцион невиданной доброты?!

- Мальчики, нельзя плохо говорить о людях, - быстро провела я воспитательную беседу и стала смотреть в окно, где по мокрым тротуарам перемещались редкие прохожие, похожие на сказочные грибы...

С утра я ходила по процедурам, потом обедала и шла гулять по парку, расположенному на территории санатория. Слушала пение птиц, дышала чистым воздухом, кормила рыжих обитательниц – белок семечками и орешками, с умилением наблюдая, как они избавляются от шелухи. «Московия» был построен в пятьдесят втором году прошлого века и с тех пор особо не изменился. Мой одноместный люкс мало походил на номер высшей категории, думаю, в последний раз его ремонтировали в восьмидесятых годах. Мальчишки считали, что мать проживет две недели в роскоши, но глубоко ошибались. Не буду их расстраивать, - подумала я и бодрым голосом заверила по телефону, что все замечательно.

Парк также выглядел запущенным и диким, но чистым. Персонал санатория был приветливым, заботливым и неназойливым, что мне и требовалось.

Представители противоположного пола решили разбавить мое одиночество, но потерпели фиаско. Они исчезали один за другим, ударившись о стену молчания, и

рассказали своим соплеменникам притчу о странной глухонемой женщине, не желающей идти на контакт.

Дамы зрелого возраста, а других здесь не было, взирали на меня с неудовольствием, заподозрив во мне соперницу, но после успокоились, в подруги не набивались, ограничиваясь любезным приветствием.

Таким образом, я осталась наедине с собой и со своими мыслями, о чем не сожалела.

В воскресенье процедур не было, и я отправилась в главный парк города Кисловодска. Долго бродила по аллеям, потом свернула на тропинку, избегая людского потока, запрудившего парк. За кустами я нашла скамью, выполненную умелыми руками плотника, и устало опустилась на нее.

- И еще я уверяла друзей, что пребываю в среднем возрасте и блюзовое настроение мне чуждо, - пробубнила я, рассматривая свои отекавшие ноги, нависшие над кроссовками.

Солнце палило немилосердно, будто был конец августа, а не девятое октября. По гравийным дорожкам медленно прогуливались отдыхающие со счастливыми лицами. Я наблюдала за ними из своего укрытия и ясно почувствовала свое одиночество. Нет, мне не нужна компаньонка для прогулок и бесед, я человек самодостаточный, не поддающийся скуке и способный найти занятие по душе. Я обожаю читать детективы! Тогда я забываю обо всем. Но не сахарные любовные романы, поражающие своей неискренностью и пошлостью. Жаль не прихватила с собой книжонку, - поздно пришла мысль.

Ничего не оставалось делать, как пялиться из укрытия на прохожих. Я ловила обрывки фраз и старалась угадать, из какой местности прибыл тот или иной человек. Сосредоточиться на одежде было бессмысленно: все были одеты, как отряд спортсменов, проходивших дружными рядами на открытии соревнований - в разноцветные костюмы, а на ногах - кроссовки, по которым можно судить об уровне благосостояния человека.

Умиротворение в массах, - мысленно выдала я, обозревая ряды праздных отдыхающих. - А лица, как у детей, впервые попавших в зоопарк, - один восторг!

Я едва не упала со скамьи. По аллее шла женщина в компании привлекательного мужчины.

- Не может быть, - задыхнулась я и привстала с места, чтобы убедиться или разубедиться в существовании галлюцинации под действием высокогорья. - Свет-ла-на?.. Н...не может быть...

Пара отличалась от толпы не только одеждой - оба были в джинсах и легких свитерах, но и сосредоточенным неспешным видом. Они не прогуливались, а шли целенаправленно, причем очень спешили. Мужчина выдвинулся вперед и тянул за руку порядком уставшую женщину. Со стороны казалось, что подъем пологий и легко преодолеваемый, но люди старшей возрастной группы через пятьсот метров начинали ощущать нехватку воздуха и усталость в ногах.

Мне стало интересно, и, позабыв про собственную расслабленность, я посеменила за ними, стараясь не выдать своего сверхмерного любопытства. Долго мне работать частным детективом без лицензии не пришлось. Пара свернула на боковую дорожку и скрылась за воротами очередного санатория, которые в огромном количестве рассыпались по парку.

- «Орджоникидзе», - прочла я с задумчивым видом. - Это же надо, как эта женщина похожа на Светку, только не на ту серую мышь в балахоне, а на ухоженную и модно одетую сексапильную особу с новым лицом, тронутым легким макияжем.

Преображенная копия, - мысленно констатировала я. – Главное отличие серой мыши от этой женщины – сверкающие, как звезды, глаза. Такое впечатление, что их все годы застилал плотный туман, в итоге он развеялся сам по себе или кто-то приложил руку, и глаза засияли на лице-небосводе безоблачным счастьем. При условии, что передо мной прошмыгнула Светлана Шустова.

Я никогда не интересовалась, есть ли у супруги Влада сестра-близнец, теперь степень моей любознательности достигла высоты горы, мелькавшей за деревьями. Источником информации может быть Эмма, но более осведомленным я считаю полковника Шустова. Я повеселела, найдя причину для звонка.

Было ясно, что Владислав занят, но мне он уделил пару минут. Мужчина не насторожился и заверил, что Светлана была единственным ребенком в семье. Я окольными путями решила узнать, где в данный момент находится его супруга и не собиралась ли она подлечить здоровье? Он не удивился, заверил, что Светка сидит дома, в четырех стенах и смотрит сериалы по всем каналам. Потом извинился, быстро попрощался, не забыв напомнить о своих чувствах и не спросив о причине моего проснувшегося интереса.

- Значит, сериалы смотрит, - протянула я, пряча мобильник в карман курточки, и поворачивая в обратную сторону.

Я дошла до облюбованного места и снова опустилась на скамью. Не знаю, на что я надеялась, но решила сидеть и ждать. Не навечно же они скрылись в санатории? Время медленно ползло, в глазах рябило от снующих туда-сюда людей, пятая точка ныла от жесткого сиденья, шея затекла от напряженного поворота головы в правую сторону.

Еще пять минут, и ухожу, - уговаривала я себя и, желая растеребить задремавшие мозги, перешла к отработке собственных действий при появлении Светланы, если это она. Версия, что это, действительно, жена Влада, мне импонировала больше. Значит, ежели это Шустова, совершенно здоровая и счастливая, то... - мысль тормознула в самом начале и забуксовала. – Ну, убежусь... убедюсь... А как правильно? – призадумалась я. - Вот так всегда, нужно вывести из тупика затерянную мыслишку, а я перекидываюсь на несущественные вещи... Короче, довольно демагогии и рассуждений! Появится Светка... или не Светка в общества красавчика, тогда и буду решать, как себя вести...

Надо сфотографировать ее на мобильник и показать мужу, - явилась затерявшаяся в недрах головного мозга мысль, когда я совсем отчаялась. - Вот, дескать, полюбуйся на свою благоверную. Великолепная актерская игра на протяжении пятнадцати лет! Влад поверит, соберет вещи и покинет дом, где был несчастлив.

Мечты, мечты, где ваша сладость... - прошептала я и скривилась от понимания. - Но поступок припахивает подлостью... К тому же Шустов не дурак, и давно бы разглядел своим опытным милицейским глазом, кто прячется под шкурой болезненной овцы? И какой напрашивается вывод? Что пару часов назад мимо меня прошла не Светлана, а ее двойник? А она спокойно сидит в кресле и тарашиться в телик. В отличие от меня – женщины с разыгравшимся воображением, которая должна соблюдать режим и сладко почивать после обеда в постели, а не сидеть в позе секретного агента. Я поднялась на ноги и только сейчас поняла, как они затекли: в подошвы вкололи многочисленные иглы, а колени не желали разгибаться. Я вернулась в сидячее положение, помянув добрым словом старость - не радость, и принялась за гимнастические упражнения, способные восстановить кровообращение в конечностях. Да так увлеклась, что едва не пропустила заинтересовавшую меня парочку, сменившую джинсы и свитера на привычные для этой местности спортивные костюмы. Я пропустила их вперед и вылезла из укрытия, забыв

о проблемах с ногами. Только теперь я рассмотрела мужчину, которому было не более сорока: высокий широкоплечий шатен с аккуратной стрижкой и пружинистой походкой. Лицо я увидела вскользь, но нашла его симпатичным: правильный нос, красиво очерченные губы и внимательные глаза.

- Мама дорогая! – высказалась я вслух, осененная простым решением задачи, терзавшей меня столько времени. – Какая же я несообразительная!

И снова взялась за телефон, чтобы связаться с Эммой.

- Привет, - протянула я, быстро подвела черту под разговором о погоде и проблемах отдыха и попросила тотчас позвонить Светлане Шустовой и задать ничего не значащий вопрос.

- Какой? И почему я ей должна звонить?

- Эммочка, ну, пожалуйста, - заканючила я. – Я тебе после все объясню... Спроси у нее... рецепт приготовления... - я задумалась, сомневаясь в кулинарных способностях супруги Влада.

- Вот-вот, - хмыкнула подруга, - спросили у слепого телевизор! – вздохнула она и дала мне подсказку.

- Я придумала! – заявила я сдавленным шепотом, не выпуская пару из вида. – Спроси у Светки содержание последней серии какого-нибудь сериала.

- Бредятиной не увлекаюсь! – отрезала она.

- Не вредничай! Открой журнал с программкой и прочти любое название! Шустова не станет требовать с тебя пересказа предыдущих шестьсот пятьдесят серий.

- Ладно, - согласилась Карузова.

- Только давай назначим точное время звонка! Это очень важно. Трех минут тебе хватит для изучения анонса телепередач?

- Вполне, - заверила она, а я взглянула на наручные часы.

Время тикало в моей голове и координировало ходьбу под этот ритм. Когда до звонка Эммы оставалось менее минуты, я ускорила шаг, приближаясь к паре на недопустимое для слежки расстояние.

Я не слышала, как у женщины затрезвонил мобильный телефон, но увидела, как она вынимает его из кармана и внимательно изучает высветившийся номер абонента. Она повернулась к мужчине, тихо произнесла несколько слов и стерла с лица улыбку. Женщина стояла полубоком и я поняла, что это та самая измученная переживаниями Светлана Шустова, даже с косметикой на фейсе.

- Да, Эмма, - проскрипела она привычным голосом. – Дома, конечно... Мне нездоровиться. Да-да, и Владика нет, как назло... Что ты, что ты... - испугалась она, убрав по неосторожности страдальческие нотки. – Я уже привыкла, сама справлюсь... Нет, я последнюю серию не смотрела, приняла лекарство и заснула... Хорошо, если будет хуже, я обращусь к тебе за помощью...

Мужчина обнял Светку за плечи и чмокнул в щеку. Она склонила к нему голову и мило потерлась, как ласковая кошечка.

- Стерва, - заключила я в сердцах и вспомнила нелицеприятные высказывания Эммы в адрес Шустовой, с которыми я тогда не согласилась.

Пара уверенно шла к выходу из парка. Я плелась за ними, как привязанная, раздумывая запечатлеть их на мобильнике, или нет. Потом решила щелкнуть несколько раз, на всякий пожарный случай. Показывать снимки Владу я не собиралась, стукачества я с детства не выношу, а тайна Светланы все равно всплывет. На ум пришло сравнение с утопленником по весне в период ледохода...

Мы вошли в нарзанную галерею, приобрели пластиковые стаканчики и стали бродить от одного источника к другому, вычитывая надписи и рекомендации. Я сменила тактику и намеренно лезла на рожон, желая увидеть реакцию Светлану при встрече со мной. Но влюбленные были так увлечены друг другом, так щебетали и хихикали, словно были одни в галерее, а не в окружении нескольких десятков людей, с вдохновенным видом вливающих в себя целебную воду. Меня всегда удивляла фанатичная любовь человечества к лечению. Взять для примера курортников нашего санатория, мечущихся по этажам с безумным блеском и невообразимым испугом в глазах в виду боязни пропустить процедуру, которая может стать барьером к выздоровлению. А вечером они так зажигают на танцполе в клубе, что любой врач кардиолог схватится за сердце и задумается о верно вынесенном диагнозе. Один раз я заглянула в клуб и сразу ушла, не желая подхватиться заразной болезнью.

Но я отвлеклась. Сделав несколько снимков на камеру мобильного телефона, я ретировалась. Радости от увиденного я не ощутила, напротив, в меня вселилась злость и жалость. Злость на обманщицу Светку и жалость к Владу, терпящему эту злодейку на протяжении стольких лет.

По дороге в санаторий меня терзала одна мысль: неужели Шустов ничего не заподозрил? Непохоже, что превращение мыши в привлекательную женщину произошло только сейчас. И как она выкручивается, если муж звонит на домашний телефон, а ему никто не отвечает? Линия повреждена? Или Светлана имеет опыт в деле надувательства, и каждый раз придумывает новую версию? А может, впервые решила провести время с любовником за пределами города? Сто вопросов и одни предположения вместо ответов...

Понедельник закрутил меня в череде процедур, которые стали средством спасения от забредших невеселых дум.

После завтрака я совершила круг почета вокруг лечебного корпуса, затем сходила на массаж, вернулась в номер, приняла душ, с удовольствием смывая с себя масло, которым крепкий мужчина по имени Роман пользуется в избытке, и потопала на сеанс нарзанных ванн.

По коридору растянулось несколько дверей, за каждой находился кабинет для релаксации при погружении в ванну с теплой нарзанной водой. Когда пришла моя очередь, я зашла и закрылась на щеколду. Все кабины были разделены толстыми стенами, но с другой стороны от входа было открытое пространство, по которому лавировали медсестры, следившие за состоянием подопечных. Я обожала эту процедуру. Ты ложишься и кожей чувствуешь легкие покалывания. Тело становится невесомым, будто ты на Мертвом море.

Я закрыла глаза и расслабилась, промурлыкав перед отключением переделанный на свой лад Интернационал: Отречемся от внешнего мира, отряхнем неприятности с ног...

Не знаю, сколько прошло времени, когда твердая рука втолкнула мою голову в ванну и стала удерживать ее под водой. Я боролась, как могла, колотила по руке, брыкалась, но совладать со злоумышленником не могла. Уши заложило, в голове застучало, руки ослабли... Сквозь слой воды в несколько метров, как мне показалось, я услышала возмущенный голос медсестры Татьяны.

- Вы что делаете?!

Рука отпустила меня, и голова выскочила из воды подобно пробке шампанского. Я хватала ртом вкусный воздух и смотрела безумными глазами на Таню, а она на меня.

- Дорогая, не волнуйтесь, все хорошо, все уже позади.

Я оглянулась на дверь, которую самолично закрыла на щеколду перед тем, как раздеться. Теперь она была распахнута, а возле входа начал собираться любопытный народ. Я попыталась руками прикрыть наготу, Татьяна рывкнула на людей, напомнив, что здесь не цирк!

- Вы его видели? – прокашлявшись, спросила я. Мой голос напоминал скрипучее дерево в студеной февральский день.

- Ее, - подсказала медсестра.

- Это была женщина? – удивилась я, вспомнив про силищу покусительницы на мою жизнь.

- Странная особа, - буркнула Таня, помогая мне вылезти из ванны. – Крестьянка.

- То есть?

- На ней была длинная юбка грязно-коричневого цвета и цветная кофта, а на голове платок, скрещенный под подбородком и завязанный сзади на узел.

- Маскарадный костюм, - предположила я с задумчивым видом.

- Я сейчас охрану позову, пусть поищут ее по окрестностям. И милицию привлекут.

- Полицию, - автоматически поправила я и представила Шустова в мундире с погонами, на которых сверкали по три звезды. Вспомнив чужого мужа, я не забыла про жену – актрису в образе барышни-крестьянки.

- Таня, Вы не успели ее разглядеть? Как она выглядела? И как она могла проникнуть в мою кабину?

Девушка задумалась и покачала головой.

- Она склонилась над Вами, а когда я ее окликнула, испугалась и убежала. Я даже не сообразила, что происходит, не говоря о ее лице, росте и фигуре, тем более, на ней все было широкое и бесформенное... А как проникла? Элементарно! Кто-то вышел после процедуры, а она зашла через свободную кабину и пошла по коридору. Наверное, Вас искала. Как я ее не заметила, - засокрушалась она.

- Понятно, - опечалилась я вконец, позабыв, что чудом избежала смерти.

- Так я вызываю охрану?

- Спасибо Вам, Танечка, за все, - опомнилась я, - но охрану вызывать не надо, не хочу разбирательств. И не желаю быть центром внимания.

- Как знаете, но я бы на Вашем месте...

Лучше, пусть каждый будет на своем, - мысленно решила я. – Хотела занять чужое место, и получила по заслугам... Неужели это была Светлана? Она видела меня вчера, проследила, где я остановилась, и явилась закрыть мне рот навсегда... - Я стала лихорадочно вспоминать, упоминала ли при ней, что еду в Кисловодск... Кажется, нет... Шустовы пришли позже всех, когда тема отдыха была закрыта и больше ее никто не поднимал. Если бы она знала, то не стала бы рисковать, нашла другое место для встреч с любовником. Моя нарочитость была замечена, но я не уловила тени испуга на лице Светы, хотя, не сводила с нее взгляда, следила за мимикой, ожидая, что вот-вот попаду в поле ее зрения, она заерзает и выдаст себя. Светка не может быть гениальной актрисой...

Я пулей влетела в свой номер «люкс», провернула два раза ключ в замке, бросила куртку на вешалку и нырнула под одеяло с головой, как была – в черных леггинсах и длинной белой футболке с якорем на груди. Сердце рвалось на волю, его биение напоминало ритмичный набат Кремлевских Курантов. Когда воздуха под шерстяным одеялом стало недостаточно, мне пришлось высунуть мордочку и потянуть носом.

Трусиха, - мысленно обозвала я себя и тут же выступила собственным адвокатом. – А как не струсить? Не каждый день меня топят в нарзанной ванне! И совсем не понарошку, а всерьез! – привела я весомый аргумент.

Я попыталась упорядочить сумбур в голове и здраво размышлять, причем делать это вслух, желая создать иллюзию чужого присутствия.

- Итак, что мы имеем? – сосредоточенным голосом спросила я у самой себя, подражая майору Знаменскому из сериала прошлых лет «Следствие ведут знатоки». – А имеем мы женщину, удачно преобразившуюся, которая пыталась меня убить. – Я говорила отрешенным тоном, но на последнем слове голос дрогнул, и захотелось порыдкать. Навзрыд и с удовольствием, оплакивая свою достаточно нелегкую жизнь, которая, наконец, повернулась ко мне передом, но вдруг захотела оборваться на пике Счастья. Кто ненавидит меня до такой степени, что посмел пойти на это рискованное дело? – Как я не сдерживалась, но жалость к себе взяла верх - из одного глаза вытекла слеза и окропила подушку. За ней последовала ее подруга из другого глаза, преодолев переносицу. – Так дело не пойдет! – отчаянно взвыла я, откинула одеяло и села на кровати. – Я должна быть сильной и... хитрой, чтобы в следующий раз быть готовой отразить нападение Светланы... Почему я решила, что это она? А кому нужна моя жизнь, кроме нее? – Диалог с собой отвлек от слез. – В санатории я пробыла неделю без происшествий, пока вчера не повстречала жену Влада. Значит, этой крестьянкой была она... И что мне делать? Позвонить Шустову и поведать трогательную историю, как его супруга покушалась на мою жизнь, желая избавиться от соперницы? Нет, не от соперницы, а от свидетеля ее грехопадения. Не думаю, что Светка знает о наших с Владом отношениях. Она не допускает мысли, что ее верный муж может увлечься другой женщиной... Хотя, кто знает, что в голове у этой особы. Не женщина, а закрытый на секретный код сейф. Не уверена, что супруг способен стать медвежатником. И захочет ли он этого? Это на первых порах он окружал ее вниманием и заботой, а после так привык к молчаливой отрешенности, что не пытался вырвать жену из заточения. Кто-то рядом существует, не донимает разговорами и ладно... И почему я сделала вывод, что Шустов – верный муж? Если он не рассказывал близким друзьям Карузовым о своих любовных похождениях, то это ничего не значит. Такой привлекательный мужчина не может оградить себя от внимания поклонниц и стойко выдержать оборону, тем более, если в домашней норе сидит серая мышь, не вызывающая эмоций. В лоб я вопросов Владу не задавала, но не думаю, что получила бы откровенное признание в былых победах. Но если допустить мысль, всего лишь допустить, - успокоила я себя, - о существовании бывшей пассии, получившей отставку и не смирившейся с ней, но можно причислить ее к подозреваемым. Она могла всюду следовать за Владом, легко узнала о новом увлечении и попыталась вернуть мужчину путем устранения любовницы.

Размышления прервал глухой звонок мобильного телефона, запрятанного в кармане куртки. Я метнулась в маленькую прихожую и быстро нашла помеху в мыслительном процессе.

Это была моя невестка Сонечка. Мы немного поболтали, я послушала «агуканье» Машеньки, снова всплакнула от нахлынувших чувств и решила не сдаваться. Я нужна детям и внучке и не позволю, чтобы какая-то сбрендившая особа оставила их без матери и бабушки. Пусть я нужна им не в той степени, как раньше, но все равно они нуждаются в моей поддержке, брошенной невзначай фразе – признании и легких уроках.

Но как я могу себя защитить? Купить пистолет и отстреливаться? Или заявить в полицию и потребовать защиты?.. Представляю себе картину: я лежу в обнаженном виде в нарзанной ванне, а рядом почетный караул с автоматом.

А не лучше ли собрать вещи и вернуться домой? Но где вероятность, что там меня оставят в покое?

Что за блюзовое настроение! – пожурила я себя и передумала покидать санаторий «Московия». – И что я скажу детям? Они купили путевку, хотели сделать матери приятное, а она взбрыкнула по непонятной причине и вернулась домой. Надо взять себя в руки и продолжать вести жизнь овоща на грядке, но добавить бдительности.

Подшло время обеда, я не стала строить догадки, поджидает ли меня крестьянка под дверями, и отправилась в столовую, нацепив на себя вызывающее платье до колена, облепившее мою стройную фигуру, как кисть руки лайковая перчатка. Маленькие детали, как то раздумывание, во что облачиться на послеобеденную прогулку, чтобы сразить наповал обитателей санатория, и сосредоточенное пережевывание полезной, но невкусной пищи, отвлекли меня от невеселых дум. Мне стало казаться все произошедшее утром ошибкой. Допустим, две одинокие дамы зрелого возраста приехали в Кисловодск для поднятия жизненного тонуса, не поделили кавалера, и одна из них, пребывая в пылу страстей и невоздержанных эмоций, надумала избавиться от конкурентки, но по причине плохого соображения и неважного зрения, перепутала кабины. Вы спросите, откуда такая силища? Так желание быть рядом с приглянувшимся мужчиной творит чудеса...

Не знаю, кому я бросала вызов, совершая несколько плавно-текучих кругов по аллеям? Кумушкам, мирно прогуливающимся по запущенному парку санатория, или притаившейся преступнице, не желающей мириться с поражением, совершая несколько плавно-текучих кругов по аллеям? Но в итоге приуныла. Разбуженная искусственная эйфория ушла, уступив место тихому страху и напряжению. Ноги сами привели меня к выходу из санатория, где у ворот стояли два охранника, похожих друг на друга, как близнецы, только с разницей в появлении на свет не пятнадцать минут, как это бывает, а лет двадцать. Молодой просверлил меня нарочито суровым взглядом, не замечая во мне привлекательную женщину, все дамы за сорок превращались для него в нечто среднего рода, бесполое неинтересные существа. Его напарник приосанился, сделал надменное лицо, ясно показывающее, что человек занимается архи важным делом, но я успела уловить промелькнувшую искру в глазах, которая быстро исчезла, словно растворилась подобно сахару в крепком чае. Именно, такого цвета были очи стража у ворот - темные раух-топазы. Почему-то подобные глаза сравнивают со сливами. Вы видели сливы коричневого цвета? Это не сливы, а гниль какая-то. Но классикам романтизма виднее, чем опытным экономистам и поклонникам детективного жанра в литературе.

Разновозрастные близнецы смотрели на меня с настороженным ожиданием. Если бы я входила на территорию санатория, то они знали, что сказать. Каждого входящего они просили показать желтенькую малоформатную книжечку, названную санаторной. Я понимала, что люди выполняют свою работу, но их чрезмерное усердие и высокомерность меня бесили. Однажды я не удержалась и заявила, что пора бы запомнить мое обличье, не один раз за день лавирую туда-сюда, как электричка из Минеральных Вод в Кисловодск. - Много вас таких, всех не упомнишь! – скривился молодой. Он не только указал на мою заурядность, но и напомнил о возрасте.

Сейчас я вспомнила наш короткий диалог, и желание задать интересующий меня вопрос утекло, как вода в песок.

- Э-э-э, - протянул старший брат, не дождавшись обращения.

- Санаторную книжку я покажу, когда вернусь! - голосом уставшей дамы на балу заявила я и прошествовала мимо. Ради таких обескураженных взглядов я готова придумать еще парочку розыгрышей! Настроение приподнялось, как качели, подброшенные вверх сильной рукой. Однако удержать их едва удастся. Весь вечер я проведу в терзаниях, а ночь в бессонных метаниях и прислушиванием к коридорным звукам. Через дорогу я заметила вывеску «Аптека» и решила прикупить снотворное. Но рядом было другое, более заманчивое заведение – «Осетинские пироги». Мысли завертелись, быстро выстраиваясь в четкую линию. Оказавшись на другой стороне улицы, я знала, чем успокою расшатанную нервную систему. Я обошла аптеку и свернула на вкусный запах, заказала один средний пирог с сыром, мне пообещали, что он будет готов через двадцать минут, которые я решила заполнить другими делами. Неподалеку от санатория находилась небольшая забегаловка, неприглядная на вид, но столики в ней всегда были заняты любителями пива и сочного жареного мяса. Первое не находило отклик у моего разборчивого организма, в виду боязни отрастить животик, за вторым я так же не умирала, но после недельного здорового питания выплывающие из заведения ароматы заставили мой рот заполниться слюной.

Сегодня праздник у меня, сегодня день рождения, - мысленно мурлыкала я, без слез вспоминая чудесное спасение, и решительно переступила порог кафешки. Сделав очередной заказ, я потопала дальше, за главным лекарством, которым торговал один фирменный магазин Ставрополя. Там выбрала небольшую фляжку с живительными капельками и пошла в обратный путь, собирая выполненные заказы.

За десять метров от входа в санаторий, я вытащила из кармана желтую книжечку, резко тормознула у ворот и помахала ею перед носами стражей, растянув губы в противной улыбочке. Они скривились и не проронили ни звука.

- Два : один в мою пользу, - высказалась я, чем удивила непонимающих близнецов, и с вызывающим видом прошествовала мимо, помахивая прозрачным пакетом с завидным содержимым. - Теперь будут знать, много нас бродит через ворота или я одна такая! – задорно хмыкнула я. Захотелось громко затянуть что-нибудь надрывно-лирическое, но я запела тихим противным голосочком, как солист в детском хоре: А я такая растакая, вся красивая такая! Молодая и здоровая, никем не побежденная! Хотя мне и пятьдесят, но все же ягодка опять, и любима, и стройна, как... - Нескладный ряд слов не требовал продолжения, но я настойчиво перебирала, с кем себя сравнить, но так и не смогла подобрать слово, соединяющее любовь и стройность, и сделала неприятный вывод, что с сочинительством у меня проблемы.

Около лечебного корпуса в ожидании ужина топтался народ, попивая минеральную воду из пластиковых стаканчиков. Я проигнорировала общество и пошла в свой номер. Быстро накрыла на стол, включила телевизор, который должен стать моим визуальным напарником в деле поглощения шашлыка, осетинского пирога и небольшой фляжки коньяка. Не думайте, я не профессионал в этом деле и даже не любитель, просто сегодня мне необходимо снять стресс и отпраздновать второе рождение.

На первых двух рюмках я еще пыталась рассуждать и строить планы на завтра, потом мне захотелось выйти на свежий воздух, спуститься к воротам и спросить братьев-близнецов о крестьянке, но испугалась заработать еще одно очко не в свою пользу, окончательно расстроиться, и передумала. Странно устроен человек – его едва не убили, а он мучается от глупой фразы, брошенной неприятным субъектом, возмнившем себя главным на планете.

Я задремала прямо перед телевизором на маленьком диванчике. Но поза была неудобной, я нажала кнопку пульта и с трудом доковыляла на ватных ногах до кровати, на ходу называя себя умной девочкой, подобравшей к растревоженному организму нужный ключик...

Обожаю ночи без сновидений.

Утром голова не разламывалась на две равные части, я была бодрa, свежа и почти спокойна. Все пошло по устоявшейся программе, с тем отличием, что медсестра Таня старалась проводить больше времени у моей ванны, а когда я поблагодарила и закрыла за собой дверь кабинета, думаю, она облегченно вздохнула.

Я пошла на четвертый этаж, где на одиннадцать часов у меня была назначен сеанс фитотерапии. Это чрезвычайно нужная процедура для моей расшатанной нервной системы. В большой квадратной комнате по всему периметру выстроились удобные кресла, в центре - оазис из живых цветов и источник распространения аромозапахов. Медсестра включает музыку с записью переливов арфы, пения птиц, журчания воды, выходит и закрывает дверь на замок. Сеанс длится всего двадцать минут, но за это непродолжительное время ты успеваешь погрузиться в легкий расслабляющий сон. Пропадает желание шевелиться, открывать глаза и рассматривать окружающих тебя людей. Полное отключение.

Рядом со мной всегда садился один и тот же молодой мужчина чуть старше тридцати. Бесцветный, безликий, незапоминающийся. Думаю, увидев его в коридорах санатория, едва узнала бы.

Незаметно пролетели двадцать минут. Дверь открылась, сеанс закончился. Я с трудом разлепила тяжелые веки, подавила в себе желание сладко потянуться и решила не спешить, выждать пока все покинут комнату. И тут заметила на коленях сложенный вчетверо листок бумаги. Я сунула ее в карман курточки и вышла.

Записка жгла мою ладонь. Я с трудом дотерпела до номера, где несколько раз ее прочла: «Прошу Вас быть в парке у грота в пятнадцать часов. Это очень важно!» Без подписи. Хотя, зачем мне подпись, если я не знаю, как его нарекли родители при рождении, - подумала я, решив, что отправителем является постоянный сосед в кабинете фитотерапии.

- Для кого важно? – спросила я у окружающего пространства, перечитав послание несколько раз. И не придумала ничего лучше, как откликнуться на просьбу, не задумываясь о последствиях. – Я не пуганая ворона, чтобы куста бояться! – заявила я с дерзким видом, обозревая лицо в зеркале и находя себя невероятно привлекательной с блестящими карими глазами с вкраплениями золота и легким румянцем.

Однако для возобновления работы машины времени, способной перекинуть тебя на пятнадцать лет назад, нужна не только любовь в качестве двигателя, но и азарт, переборовший страх...

Грот находился в дальней части парка. В отвесной скале была неглубокая пещера, обзреть которую не составляло труда, не переступая порога. Я сравнивала углубление с мышинным укусом от огромной головки сыра. Мне нравилось это место своей природной нетронутостью. Я осмотрелась, поняла, что в пещере никого нет, и расположилась на скамейке в ожидании странного молодого человека, решившего назначить мне свидание. Я намеренно заявила на пятнадцать минут раньше. Сама не решила, по какой причине. Может, изучить обстановку, виденную много раз за прошедшие восемь дней. А может,

рассмотреть его получше, когда парень станет приближаться, и попытаться прочесть его мысли.

- Тоже мне, медиум - любитель, - пробурчала я, зажимая подрагивающие ладони между коленями.

Погода решила, именно, сегодня вспомнить, что пошел второй месяц осени. Дул сильный пронизывающий ветер, редкие капли лениво падали на землю, затем исчезали, после снова капали, а я забыла прихватить зонт и ругала себя за это. Меня спасал капюшон куртки от осадков, но сама куртка не спасала от мерзкой лапы холода. Жаль, мои милые подружки – любительницы орехов и семечек разбежались по норам. Парк был пуст и мрачен. Одни голуби важно расхаживали по тротуару, ожидая благодарности за разбавленное одиночество. Я бросила им горстку семечек и посмотрела на наручные часы: парень опаздывал на две минуты. Не беда, две минуты не срок, - подумала я и стала наблюдать за прожорливыми птицами. Прошло еще пять минут.

- Придурок! - в разгневанных чувствах заявила я, - и сама я не лучше! Прожила полвека, а ума не нажила... И почему я сижу и жду? – продолжала возмущаться я, но со скамейки не вставала, словно меня к ней приклеили супер клеем.

Дождь решил удалить одинокую даму из парка и забарабанил сильнее по моему промокшему насквозь капюшону, но в меня вселилось упрямство и не желало уходить. Вдруг пришла мысль, что парень, назначивший мне встречу, располагает сведениями о вчерашнем покушении? Пораскинув на досуге, он решил поделиться со мною информацией, но преступник прознал об этом и... устранил его.

Версия неплоха, - мысленно констатировала я, оценивая плачевный вид своих белых кроссовок и смахивая дождевую каплю с носа. В голове родилась еще одна идея: человек, пригласивший меня в парк, решил закончить начатое вчера дело. Возникает резонный вопрос – на фиг ему это надо? Ответ пришел сам собой – его кто-то нанял. Кто? И почему он не явился, чтобы воспользоваться непогодой и отсутствием поклонников парковых шествий? Заказчик дал отбой или решил пересмотреть способ устранения?

Я чувствовала себя известным автором детективов, за плечами которого несколько десятков книг. И в данный момент речь идет не о моей персоне, а о посторонней мне женщине, которую надо лишить жизни, но я, как сочинитель, никак не могу придумать, как это сделать, чтобы и время потянуть и повторов не было, ведь столько шедевров создано!

В голове раздалось ритмичное постукивание. Я потерла пальцами виски, желая избавиться от неприятного звука, но массаж не помог – ритм убыстрился, а звук усилился. Я поняла, что постороннее вмешательство в мои размышления идет не изнутри, а в левой стороне от меня и стала изучать высоченную сосну, посаженную во времена строительства «Московии». На стволе сидел дятел в красной еврейской кипе и молотил клювом. Я так обрадовалась его появлению, что, наконец, нашла в себе силы оторвать зад от скамейки.

- Красавчик, - протянула я с улыбкой. – все меня бросили, даже голуби, а ты, молодец, реши... -- Фраза оборвалась на подъеме и рухнула вниз вместе с огромным валуном продавившим то место, где я только что сидела.

Я стояла с открытым ртом и не находила в себе силы поднять голову и взглянуть на скалу, где должен был притаиться злоумышленник. Зрелище меня заворожило и удивило, но испуга не было. На ум пришло сравнение, будто нахожусь в переполненном автобусе, я поднялась, чтобы не пропустить свою остановку, а на мое место сразу бухнулось некое фантастическое существо. Его вид так меня поразил, что я не могу оторвать взгляда...

- Беги, беги, беги, - подсказывал мне дятел–спаситель каждым ударом по стволу сосны.

Естественно, когда я очнулась и посмотрела на скалу, то кроме засохшего бурьяна никого не заметила. Я не спешила прислушаться к советам трудолюбивой птицы, присела на мокрую поломанную скамейку и похлопала рукой по валуну, словно проверяла его спелость.

- Женщине такую махину не поднять, - задумчиво высказалась я. – Это проделал парень, который подкинул записку, или приятель Светланы. Что же делать? – спросила я у дятла, как у самого умного из присутствующих. Если он перелетит на другое дерево, то это будет означать, что преступник живет не в нашем санатории. – Своеобразно – логически придумала я и стала напряженно наблюдать за спасителем, прислонившись к испачканному глиной валуну. Сейчас мне было глубоко плевать на мой внешний облик. Дятел усердно тюкнул по стволу в последний раз и улетел, махнув мне на прощание крылом. – Вывод такой, - подобралась я, - этот человек не является обслуживающим персоналом санатория, он обычный курортник, у которого скоро истекает срок путевки. Или он приехал в «Московию» с одной целью – избавиться от меня...

Итак, он дважды потерпел фиаско, ждать ли третьего раза или рвать когти?

Чтобы уговорить себя покинуть санаторий, я стала рисовать картину моего погребения под огромным валуном, который легко впечатал меня в землю вместе со скамейкой.

- Интересно, когда бы обнаружили мое бедное худенькое тельце?.. В сумасшедшем мозгу рождаются нездоровые мысли! - огорченно заметила я. Вытянула руки перед собой, проверяя, появился ли тремор, указывающий на волнение и наличие нервного расстройства. - Я спокойна, как объевшийся удав! И хватит сидеть в полной заторможенности! Надо действовать! Для начала я переоденусь, а после постараюсь найти этого недоноска, что сунул мне записку, и вытрясу из него правду. Если он не скрылся...

В номере я приняла душ, выпила чашку горячего чая и разработала план по отлову парня. В записке было сказано – встретимся после обеда. Значит, он лечится в санатории не по курсовке, являясь только на процедуры, а является полноценным курортником. Время движется к ужину, я выставлю дозор у столовой и легко его вычислю. При условии, что он еще здесь...

Я присела на неудобный кожаный диван у самого входа в столовую и стала сверлить лица людей рентгеновским взглядом, не обращая внимания на попытки ухаживания. Женщин и мужчин преклонных лет я отметала, сосредотачиваясь на молодых людях в возрастном периоде от тридцати до сорока, коих на мое счастье было не так много. Когда отчаяние достигло апогея, а внутри неприятно заныло и заскребло, вдали замаячила одинокая невзрачная мужская фигура в униформе под названием – враг пройдет и не заметит. Я пошла ему навстречу с гадливой улыбкой на лице, не сулившей счастья в личной и общественной жизни. Злоумышленник был так погружен в свои мысли, что чуть не наехал на меня, как трактор на запорожец.

- Привет, - с вызовом поприветствовала я молодого человека и, прихватив его за локоть, потянула в обратную от столовой сторону.

- Добрый вечер, - отозвался он, кинул за спину разочарованный взгляд и послушно пошел за мной.

Мы выглядели давними приятелями, случайно повстречавшимися в санатории.

- Ну, милоч, рассказывай, - предложила я, шествуя с ним под руку по широкому коридору.

- Вы про записку? – догадался он, а я благосклонно кивнула. – Вы не думайте, что я ее написал! – заверил парень и для большей убедительности прижал руку к груди.
- Тебя как зовут? – вспомнила я про этикет, но сама не представилась.
- Денис.
- Очень хорошо, - вздохнула я с облегчением, будто данное имя многое объясняло. – Давай-ка, Дениска, рассказывай все по порядку...
- Рассказывать особо нечего... Я сегодня поднимаюсь в кабинет фитотерапии, меня догоняет мужчина и спрашивает: «Парень, ты случайно не в четыреста пятый спешишь?»
- «Да, в четыреста пятый», - отвечаю я. – «Там женщина одна будет, ты ей записочку передай», - попросил он и Вас описал. Вы женщина видная, я вас давно приметил, поэтому сразу догадался, о ком идет речь.
- Вот так прямо взял послание и ничего больше не спросил? – не поверила я.
- Он сам сказал, что... - Денис замялся, - что влюблен, но не знает, как к Вам подойти. Вот и написал записку, думая, что заинтригует Вас и...
- И я приду в парк, - пробубнила я.
- А Вы ходили?
- Ходила, но он... не пришел. Или пришел, но не решился подойти, отправив вместо себя... – я умолкла, сообразив, что сболтнула лишнее, а про себя продолжила: камень-привет!
- Кого? – полюбопытствовал парень.
- Не важно, - отмахнулась я. – Ты, Денис, лучше мне опиши этого воздыхателя.
- Даже не знаю, что сказать... Мужик, как мужик, - пожал он плечами.
- Сколько ему лет?
- Пенсионер, - с готовностью доложил Денис.
- Пенсионеры тоже разные, есть новоиспеченные, а есть со стажем.
- Скорее новоиспеченный. И обычный... Я еще подумал, что шансов у него нет. Вы... вон какая! - парень отступил на шаг, оценил меня восхищенным взглядом и развел руки в стороны, словно приглашал сплясать барыню.
- Наверное, из деревни приехал, - высказала я предположение.
- Не думаю, - сказал Денис после недолгого раздумья, - у него речь правильная и руки не похожи на руки крестьянина.
- А говоришь, ничего не заметил, - усмехнулась я.
- Вы меня ловко вывели на воспоминание, - заулыбался парень. – Я на руки почему обратил внимание... Он когда записку передавал, они сильно тряслись, я еще подумал, что он накануне крепко выпил.
- Или разволновался, - прошептала я. – не привык еще людей жизни лишать.
- Извините, не расслышал.
- Это я так, сама с собой... Денис, вспомни еще что-нибудь, - попросила я, - это очень важно! Может, ты его раньше видел?
- Нет, не видел, - покачал он головой из стороны в сторону. – Мы все пересекаемся на процедурах, примелькались уже, но его я не замечал.
- Может, шрам у него был? - с надеждой в голосе поинтересовалась я.
- Очки были, - обрадовался Денис.
- Солнцезащитные? - нахмурилась я, представив шпиона в темных очках и надвинутой на брови шляпе.
- Нет, обычные, с толстыми линзами. За ними еще глаза увеличиваются и становятся нереально страшными и расплывчатыми.

- А шляпы не было? – продолжила я свою мысль.
- Кепка полотняная с маленьким козырьком... А брови кустистые и торчат в разные стороны, как бурьян на грядке.
- Понятно... Очки, кустистые брови, кепка, - перечисляла я и мысленно представляла образ врага. – Во что он был одет? В спортивный костюм с олимпийской символикой Московской олимпиады? – мне показалось, что эта одежда подошла ко всему выше сказанному.
- Он был... - Денис напрягся, восстанавливая в памяти человека, увиденного на лестнице.
- Он был в коричневых брюках, синей шерстяной кофточке... Знаете, такие раньше носили, с молнией под горло. У моего отца была такая в конце восьмидесятых.
- Хорошо, не в юбке и пестрой женской кофте.
- Так Вы его знаете! Он, наверное, любит розыгрыши?!
- Скорее не знаю, чем знаю, - закрутила я. - Иди, Денис, на ужин, а то опоздаешь.
- А Вы?
- Что-то нет аппетита?
- Вы расстроились, что он не пришел? – с сочувствием в голосе спросил парень.
- Сверх меры, - с сарказмом произнесла я. – Давно хочу увидеть человека, восплававшего ко мне необъяснимым чувством...

Играть с огнем мне надоело. Я решила с утра собрать вещи, распрощаться с санаторием «Московия» и отбыть на вокзал. Детям я как-нибудь объясню причину столь раннего отъезда. В качестве успокоительного снадобья я должна услышать голос Влада.

- Здравствуй, родной, - тихо сказала я.
- Здравствуй, любимая, - обласкал он меня своим чудным голосом.
- Влад, я соскучилась. – по щекам наперегонки побежали слезы.
- Ты плачешь?
- Нет, что ты, просто немного простудилась. В Кисловодске похолодало, дождь льет... Я ноги промочила. А у вас какая погода?
- Тоже идет дождь.
- Дождь, на всем свете дождь...

Мы проговорили почти час. Задушевно перешептывались и делились незначительными мелочами, опустив большие проблемы.

Напряжение отпустило меня, но в голову полезли невеселые мысли, как тараканы из соседней квартиры, где поработала санэпидемстанция. Эта ночь может стать последней в моей жизни, - отрешенно подумала я. – Если человек решил меня убить, то он не остановится. Третья попытка может стать удачной...

Я проверила замки на окнах, пошерудила ключом в замочной скважине, особо не надеясь на защиту хлипкой двери. Выключила верхний свет, включила ночник на прикроватной тумбочке, взяла в руки книгу и невидящим взглядом уставилась на обложку, где над растрепанной женщиной с безумным взглядом застыл мужчина с оскаленной улыбкой с ножом в руке. Я вскочила с кровати и на цыпочках пошла в другую комнату, где стоял шкаф с посудой. Покопалась в ящичке и вытасила нож. Столовый прибор, был туп, как ум моей соседки Авдотьи Кулебякиной, но та остра на язык, чего не скажешь о лезвии ножа, который я держала в руке.

- На безрыбье и рак рыба, - успокоила я себя и вернулась в кровать, спрятав под подушку орудие защиты.

Некоторое время я пыталась сосредоточиться на сюжете, но поняла, что перечитываю одно предложение по три раза, и захлопнула книгу.

Может, телевизор включит, все же веселее, - решила обмануть я себя и создать иллюзию чужого присутствия. Позабыв про нож, я завернулась в одеяло, вернулась в маленькую комнату, расположилась на диване и стала нажимать кнопки пульта. Внимательно прослушала новости, перешла на романтическую слезливую кинешку про обманную любовь, которая так затронула мою впечатлительную душу, что глаза закрылись сами собой.

Меня разбудил странный звук. Я разлепила веки и поняла, что проспала совсем чуть-чуть – девушка с экрана продолжала клясться мужчине в любви, а он ей по-прежнему не верил. Я решила оставить их наедине и провалилась в очередной чуткий сон...

Меня поймали индейцы, привели в свое стойбище и втолкнули в вигвам, где сидела красивая девушка. Она мне сразу понравилась, я уже хотела обратиться к ней за помощью, но та меня опередила, заявив противным капризным голосом, что хочет иметь мой скальп, и стала тянуть меня за волосы. Причем так больно, что я проснулась и... почувствовала чужое присутствие. Первым желанием было бежать сломя голову. Но далеко ли я добегу? Даже дверь не спею открыть... Может, позвать на помощь? Он сзади меня, я чувствую. Не успею рта раскрыть, как он... Интересно, как убийца собирается расправиться со мной. Я делала вид, что сплю, а сама скользила взглядом сквозь прикрытые ресницы. В ванной полилась вода... Это забавно: злоумышленник решил принять ванну перед совершением преступления? Я незаметно повернула голову и заметила свет, лезвием проникающий сквозь щель двери из ванной в кукольную прихожую, через которую можно пройти в спальню и в маленькую комнату-столовую, где я замерла на диване. Я стала лихорадочно соображать, есть ли наружный запор на двери ванной, где сейчас находился преступник. Кажется, есть... Или нет... Я отбросила одеяло, прислушиваясь к льющейся воде.

- Мойся, мойся тщательно, - шептала я, поднимаясь с дивана на негнущихся ногах. Едва я достигла самого опасного места, как вода закрылась по мановению волшебной палочки, шторка с шелестом отъехала в сторону, а я замерла в позе метателя диска, позабывшего свой спортивный инвентарь. До чего же женщины глупы, заторможены и любопытны в минуту опасности! И я не исключение. Нет бы, рвануть со скоростью спринтера, а я не удержалась и прильнула к щели. И не зря...

- Влад, ты порядочная свинья! – заявила я со слезами счастья на глазах. – Этак можно меня перепугать до разрыва сердца!

- Хотел сделать тебе сюрприз, - улыбнулся он, одновременно вытирая лицо махровым полотенцем, вылезая из ванной и прижимая меня к своей мокрой груди. – Как я соскучился!

- Но как ты проник в мой номер? - пробубнила я из его подмышки.

- Дорогая, ты забыла, где я работаю? И довольно вопросов! Иди ко мне, моя ласточка?

И ласточка полетела, закружилась, взвещая о приходе весны...

- Ну, почему, почему ты мне все не рассказала?! – завывал мой любимый мужчина, выслушав за чашкой утреннего кофе мой сбивчивый рассказ.

- Сначала я думала, что это Светлана, и ты не поверишь, будто она способна на подобный проступок. Решись, что я наговариваю на нее, чтобы развести вас. После второго покушения, я поняла, что ошибалась, но все равно не стала грузить своими проблемами, - лепетала я.

- Покушение на жизнь человека ты называешь проблемами?!

Я сжалась на стуле. Раньше я Влада таким никогда не видела. Разъяренный зверь, подкрадывающийся к своей добыче.

- А ты не подумала, дорогая моя Алечка, как бы я жил, если... – его голос странно колыхнулся подобно налетевшему ветру и сразу смолк, словно ударился о преграду.

- Владик, прости меня, - прошелестела я и ткнулась в его плечо своей дурной головой.

- Алька, ты как малолетняя девочка, - продолжал сердиться Шустов. Я сидела рядом с ним, слушала биение его сердца, ловила его дыхание и была такой несказанно счастливой, что боялась думать об этом. Устав от нравоучений, он снизошел к прощению и по-отечески чмокнул меня в лоб. – Думаю, будет лучше, если мы вернемся домой.

- У нас разные дома, - ляпнула я, впервые разведя нас по разные стороны баррикад. Мы лукавили, забывали о Светлане, будто ее не было, но она стояла между нами подобно Китайской стене.

- Почему? – Влад отодвинул меня от себя и внимательно взгляделся в мои затуманенные глаза. Я удивилась непониманию, задумалась над ответом и треснула словом – кирпичом ему по голове.

- Потому что ты мне не предложил руку и сердце! – и зажмурила глаза, боясь прочесть на его лице возмущение, за которым последует отказ. Потрясение от покушений сказалось на моем характере, выставив на передний фланг детскую непосредственность и прямолинейность.

- Предлагаю! – он протянул мне руку, ухватил мою хрустальную кисть и бережно приложил к губам.

- Влад, я не люблю такие шутки! – я выдернула руку и сделала маятником, совершавшим вращательно-поступательные движения по комнате.

- Это не шутка. На днях нас со Светкой разведут, и я стану свободным, как ветер, мужчиной. Но думаю, не долго. У меня нет желания засиживаться в холостяках, напряжно: ни тебе сытного обеда, ни свежих отутюженных сорочек... - Шустов хитро взглянул на меня.

- Тебе не жена нужна, а приходящая домработница! – я до боли закусила губу, чтобы не расцвести, как мимоза посередине зимы.

- А для...

- Не продолжай, - перебила я его, - для этих целей есть девушки по вызову.

- Без любви-с, никак... - заявил истинный джентльмен.

- Влад, ты правду сказал про развод? - напомнила я после долгого поцелуя, вытрясшего из головы все мысли.

- Я не лгун и не трепач, - обиделся мужчина.

- Но кто был инициатором?

- По обоюдному согласию. Я... случайно узнал о ее увлечении массажистом.

- Случайно?

- Ты снова забыла, где я работаю... Мы поговорили и решили расстаться. Без претензий друг к другу.

- Это не может быть правдой, потому что этого не может быть, - закатила я глаза.

- Хотите верьте, хотите нет, но сочетаться браком Вам, Алевтина, со мной придется!

- Придется, - сокрушенно согласилась я. – Думаю, злоумышленник не станет покушаться на жизнь жены полковника полиции.

- Преследуешь корыстные цели? – нахмурился он.

- Естественно, а так бы никогда не вышла замуж за человека, который все видит, все знает и обладает способностью проходить сквозь закрытые двери.
- Вы, барышня, по рассеянности забыли закрыть дверь.
- Не может быть! Я несколько раз запоры проверяла!
- Крутила ключом туда-сюда и оставила дверь незапертой... Или кто-то пытался проникнуть к тебе в номер, а я помешал...
- Первое предположение мне нравится больше, - тотчас нашлась я, желая обмануть мужчину. Я точно помнила, что дверь была закрыта.
- Аля, не могу поверить, что на такого светлого человека, как ты, кто-то может затаить обиду. И не просто затаить, а решиться пойти на убийство.
- Ты... ты считаешь, я все сочиняю? Начиталась впечатлительная особа детективов и давай придумывать душещипательную историю! – я высвободилась из объятий Влада и зашмыгала носом.
- Дурочка, я так не думаю! – хмуро заметил Шустов и сгреб меня в охапку. – Ты, Алька, относишься к той редкой категории людей, которые не умеют ссориться. Ты добрая, мягкая, всегда находишь оправдание чужим неблагоприятным поступкам.
- Ты говоришь это с таким видом, будто это не достоинства, а пороки, - хмыкнула я и незаметно смахнула с лица слезинки. – Вот боязнь смерти – это порок, такой же, как трусость, зависть, лживость...
- Поэтому ты смело смотрела в глаза смерти! – с революционным пафосом произнес полковник.
- Не смело, один раз смалодушничала и залезла под одеяло, а после сама себя возненавидела.
- Но нельзя ходить по лезвию бритвы и давать еще один повод! – возмутился Шустов. – Тебе передали записку, и ты пошла в парк! Иду на грозу! Иначе не скажешь!
- Откуда я знала... - начала я, но Влад меня мягко прервал.
- Все ты знала! – отмахнулся он. – Еще одним твоим достоинством является тонкий ум. Ты умеешь наблюдать, анализировать и делать выводы!
- Я? - мои брови поползли вверх от удивления. Мне было неловко от такой похвалы и одновременно приятно. Я чувствовала себя девочкой, которую приняли в пионеры и назначили председателем Совета Дружины.
- А я сейчас о ком говорил?
- О... обо мне, - промямлила я, а слезы снова пожелали испортить макияж. – Если бы я, действительно, обладали этими качествами, то легко бы вычислила злоумышленника, - пораскинув умными мозгами, добавила я.
- А ты и не пыталась!
- Еще как пыталась! – подхватила я.
- Даже знаю, кто стоял в списке первым... Светка! Потом ты решила, что это отвергнутая любовница? – он проткнув меня острым взглядом.
- Ты... чересчур догадлив, - торопливо сказала я. – Еще я думала, что меня с кем-то перепутали! – с готовностью доложила я. – И про киллера тоже думала...
- Алевтина, напряги мозги! – приказал полковник Шустов. – Ты не наследница миллионера, - он стал загибать пальцы. – Мужей у обманутых жен не уводила...
- Э-э-э...
- Не уводила, мужья сами нашли дорогу! Детям жизнь не портишь. – Влад заметил мой удивленный взгляд. – Да-да, моя дорогая, и такое бывает! Пакости людям не делаешь, с соседями дружишь...

- Не со всеми! – встряла я, когда пальцы на одной руке сжались в кулак.
- Я с Завидным ругаюсь из-за собаки, а со стервозиной Авдотьей держу нейтралитет.
- Из-за собаки не убивают, - задумчиво высказался мужчина. – Хотя, был один случай в моей практике, я тогда еще лейтенантом был... Только там кошка стала яблоком раздора. Одна вредная бабулька устроила своей подопечной туалет на соседском коврике. Те просили, угрожали, а та, будто не слышит. Потом кошка пропала, и бабка решила, что соседи изуверы убили питомицу, и подожгла им входную дверь. А оказалось, что кошка воспылала желанием познакомиться с дворовыми обитателями по причине наступившей весны.
- И что бабке за это было?
- Да, ничего, сначала соседи заявление накатали, потом пожалели старушку и забрали его.
- А если бы не забрали? – продолжала допытываться я.
- Заставили бы дверь новую поставить и оплатить моральный ущерб.
- Бывает же такое, - уставившись в паркетный пол, изрекла я. Мои мысли снова пришли во вращательное движение. Я попыталась восстановить в памяти картину моего отъезда. На улице стоял Страх Завидный и разговаривал с Кулебякиной. Мне еще показалось странным, что они перешептываются, словно замышляют что-то. Потом собаковод – любитель увидел меня и сразу прервал беседу. Зачем я ему понадобилась? Мы никогда не разговаривали на отвлеченные темы, только переругивались... И где был доберман Марсик? Завидный с ним никогда не расстается, даже на рынок и в магазин они парой ходят. Елисей зайдет в супермаркет, а пса у входа привязывает.
- А у Завидного есть семья? – Влад смешал мои мысли, как карточную колоду.
- Нет, он один живет. Ну, не один, с собакой. Раньше мать была, но она несколько лет назад умерла, а Елисей после ее кончины купил щенка... Марсиком назвал... - Я вскочила с дивана и метнулась в спальню, где на тумбочке лежал мой мобильник. – Я сейчас подруге позвоню, Валентине, мы с ней вместе воевали с Завидным, - пояснила я Шустову, возвращаясь в столовую...
- К домашнему телефону никто не подошел, и я стала звонить Вале на мобильный. Соединения долго не было, потом я услышала ее сонный голос.
- Валь, привет, ты что спишь на работе?
- Здравствуй, Аля. Я не на работе, я в больнице. Сегодня утром перевели из реанимации в обычную палату. Собиралась тебе звонить...
- А что случилось?
- Меня Страх Завидный ножом пырнул в спину.
- Что-о-о?!
- Вечером возвращалась поздно с работы, а Елисей подкрался и... ударил сзади. Я упала, а он склонился надо мной и говорит: «Будешь знать сволочь, как чужих собак травить! Это тебе за Марсика! И подруга твоя Алька свое получит!»
- Марсика отравили? То-то я его не видела в тот вечер, - вздохнула я. – Валь, ты как себя чувствуешь?
- Недельку в коме пролежала. Врачи не давали положительных прогнозов. Пришлось одно легкое удалить.
- Вот же сволочь! - в сердцах сказала я, сжав до боли в кулаке телефон, будто вымещала на нем зло. – Завидного поймали?
- Нет, скрылся, гад. Наши бабули говорят, что это Кулебякина его на нас навела. Небось, сама отравила собаку, испугалась мести Елисея и перевела рельсы.
- А зачем ей травить добермана?

- Так он ей спать по утрам не давал. Помнишь, как Авдотья с Елисеем постоянно ругались, что собака лает на голубей под ее окнами.
- Неужели за это надо травить бедного пса?
- Эта Кулебякина и не такое способна, - фыркнула Валентина.
- Но свидетелей нет!
- А зачем, скажи на милость, ей на нас указывать?
- Из вредности!
- Тоже верно, - согласилась подруга. – Алька, ты там осторожнее, вдруг Страх в Кисловодске появиться. Хотя, никто не знает, где ты отдыхаешь. Я еще подумала, хорошо, что тебя в городе нет. Думала, очнусь, обязательно тебе позвоню, предупрежу. Как раз сегодня собиралась.
- Я сама ему сказала, куда еду.
- Да ты что? – задыхнулась о волнения Валька. – Знаешь, Алевтина, собирайся домой! Здесь сыновья, они тебя в обиду не дадут.
- Валь, я не одна, меня есть, кому защитить. – Я чуть не ляпнула, что собираюсь замуж, но вовремя вспомнила про свои умные мозги.
- Хоть, одна хорошая новость за последнее время. Не все тебе одной куковать...
- Мне пятьдесят лет, - напомнила я подруге шепотом, выходя из комнаты.
- И что?! Ложиться и умирать? Еще вся жизнь впереди! – заверила меня Валентина. – Только надо держать нос по ветру!
- И переключиться на антиблюзовую волну...

В дверь осторожно постучали. Я посмотрела на Влада. В его руке волшебным образом появился пистолет, он стал за дверью и кивнул.

Я щелкнула замками. На пороге стоял Денис.

- Я его видел! – без предисловий заявил он и дернулся, заведя серьезного мужчину с пистолетом в руке, вынырнувшего из-за двери.
- Не бойся, это мой друг. – Я втянула Дениса в номер и недовольно посмотрела на Влада. – Рассказывай!
- Он только что был в бассейне! Я сунулся туда, вижу стоит мужчина у кромки воды и внимательно все изучает.
- Это точно был он? – спросил Шустов, успевший спрятать оружие.
- Он, точно он! – закивал Денис. – Я его узнал, хоть, он был в одних плавках. У него взгляд... особенный. От него мурашки бегать начинают и холодно становится...
- Колючий с примесью льда, - подсказала я. – А этот мужчина тебя видел?
- Не-а.
- А людей в бассейне не было? – вмешался Влад.
- Никого! Сегодня занятия по плаванию начинаются в половине десятого. У меня как раз назначено на это время.
- А у тебя? – обратился ко мне любимый мужчина.
- Я открыла санаторную книжку с приколотыми талончиками и ошарашено заявила.
- И у меня плавание в половине десятого... Но от куда Елисей мог знать?
- Если у него есть доступ в твой номер, он мог зайти в твоё отсутствие и внимательно изучить расписание.
- Я иду в бассейн! – решительно заявила я.
- Ты остаешься в номере, сидишь и ждешь! А Денис укажет мне дорогу! – отверг полковник Шустов мои поползновения идти на грозу.

- А если Завидный успел скрыться?

- Я переверну весь санаторий!

И я снова ему поверила.

Но Страх совсем потерял страх или окончательно сбрендил на почве потери четвероного друга. Он спокойно плавал в бассейне среди десятка купальщиков...

Влад уверенно вел автомобиль. Я косила глазом, исподтишка любуясь им.

Вот повезло, так повезло, - рассуждала я. – Умный, сильный, красивый, замечательный, внимательный, мужественный, заботливы. И это счастье мне одной.

Я включила радио, и салон заполнился проникновенной чувственной мелодией, добавившей мне шепотку грусти.

- Переключи, - попросил мужчина.

- Почему? Тебе не нравятся блюзы? В них сплетаются все чувственные начала... - выпалила я на одном дыхании, хитро прищутив глаза.

- Нам рано купаться в море блюзов! – улыбнулся он. - И надеюсь, мы никогда не перейдем границы, за которой живет зрелость. Для это нужно не заглядывать в паспорт, уметь радоваться и любить... Перефразируя одного классика, могу сказать: Хочешь быть молодым, будь им...

Август 2011года
г. Ростов-на-Дону